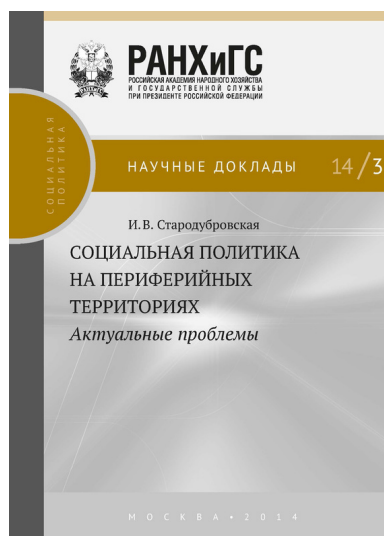

Ирина Стародубровская

**Социальная политика на
периферийных территориях.
Актуальные проблемы**

«РАНХиГС»

2014

Стародубровская И. В.

Социальная политика на периферийных территориях. Актуальные проблемы / И. В. Стародубровская — «РАНХиГС», 2014 — (Научные доклады: социальная политика)

В работе рассмотрены проблемы предоставления социальных услуг в местах, которые можно отнести к «российской глубинке», а именно на периферийных территориях, для которых характерны интенсивные процессы депопуляции. Отток населения, деградация человеческого капитала, старение кадров в социальной сфере – все эти процессы требуют особого подхода к организации предоставления социальных услуг. На федеральном уровне эти особенности часто не учитываются, что ставит жесткие барьеры на пути оптимизации социальных расходов подобных территорий. Доклад основан на полевых исследованиях периферийных территорий в Томской, Вологодской, Костромской областях и Пермском крае.

УДК 316.334.3
ББК 66.3(2Рос)3

Содержание

Введение	6
1. Периферийные территории: социальный контекст	8
1.1. Сжатие периферийных территорий – основные характеристики	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Викторовна Стародубровская

Социальная политика на периферийных территориях. Актуальные проблемы

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Введение

Как в обыденной жизни, так и в научном анализе традиционным является разделение территорий на городские и сельские. Такое деление применяется также в официальных документах, статистических данных, аналитических материалах. В чем-то подобное разделение действительно улавливает существенные различия в характере территорий, однако в определенной мере оно искажает реальную картину. Дело в том, что в последние десятилетия идут объективные процессы усиливающейся дифференциации сельских территорий: пространства вокруг крупных городов в большинстве своем характеризуются позитивной экономической динамикой, растущим населением, трансформацией хозяйственной деятельности исходя из потребностей города. Эти территории формируют городские агломерации – пространство с совершенно особыми характеристиками, находящееся под определяющим влиянием городского центра. Территориальные границы агломераций нельзя с точностью фиксировать, но можно утверждать, что чем более крупным является город и чем лучше развита транспортная инфраструктура, тем активнее идет трансформация окружающей его сельской местности. Сельская местность вне сферы влияния крупных городов (будем называть ее периферией) отличается совершенно другими характеристиками. Экономика здесь зависит в первую очередь от развития аграрных и сырьевых отраслей, для многих территорий характерны процессы депопуляции и деградации. Очевидно, что то, что обычно относят к сельской местности, по своим экономическим и социальным характеристикам делится по меньшей мере на три группы, для которых характерны совершенно различные тенденции:

- агломерации крупных городов;
- территории эффективной аграрной и сырьевой экономики;
- территории интенсивной депопуляции и деградации.

В настоящей работе акцент сделан на кризисной группе сельских территорий, не входящих в орбиту влияния крупных городов, где идет активное снижение численности населения, а экономика носит депрессивный характер. Когда речь идет о проблемах сельской местности, в первую очередь имеются в виду негативные процессы, идущие именно в данной группе территорий. При этом из всего набора характерных для них проблем выбраны вопрос организации предоставления социальных услуг. Актуальность данного вопроса связана с рядом причин.

Во-первых, предоставление социальных услуг на данных территориях оказывается в фокусе противоречивых требований: с одной стороны, необходимость обеспечивать определенный уровень подобных услуг всем гражданам страны заставляет поддерживать бюджетную сеть «любой ценой»; с другой стороны, необходимость эффективного использования ресурсов ставит вопрос о неизбежности оптимизации. Нахождение баланса и компромисса между этими требованиями – чрезвычайно важная задача социально-экономической политики.

Во-вторых, организация предоставления социальных услуг на подобных территориях в наибольшей мере отличается от «стандартной» модели, характерной, в первую очередь, для городов, на которую обычно ориентируются государственные программы развития и модели реформирования социальной сферы. Учет специфических условий, характерных для негородских территорий, может существенно повысить эффективность механизмов проведения социальной политики. Но для этого необходимо проанализировать данные условия.

В-третьих, организация предоставления социальных услуг на территориях интенсивной депопуляции – серьезный вызов для любой региональной власти, требующий от нее поиска нестандартных решений и использования нетрадиционных механизмов. Выявление

и обобщение примеров как лучшей, так и худшей практики в данной сфере является самостоятельной задачей, представляющей интерес для региональной политики.

С учетом стоящих перед исследованием задач, его существенной частью являлась полевая работа. Было выбрано 4 пилотных региона: Томская область, Вологодская область, Костромская область и Пермский край, в которых, в свою очередь, отбирались пилотные муниципальные районы. Данные районы не входят в агломерации крупных городов и характеризуются интенсивными процессами депопуляции. На базе этих районов проводилось углубленное исследование организации предоставления социальных услуг. Всего в 2011–2012 гг. была проанализирована ситуация в 15 муниципальных районах.

Полевая работа проводилась группой исследователей. Автор выражает благодарность Владимиру Назарову, Арсению Мамедову, Дине Лободановой, Анне Чепурной за предоставление полевых материалов и проведение расчетов, использованных в данной работе. В то же время большая часть использованного полевого материала собрана непосредственно автором.

1. Периферийные территории: социальный контекст

1.1. Сжатие периферийных территорий – основные характеристики

Основные характеристики периферийных территорий

Данное исследование использует инструментарий центропериферийной теории, в соответствии с которой «неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между ядром и периферией»¹. При этом периферия дифференцируется в зависимости от степени приближенности к ядру: если на ближнюю периферию ядро оказывает активное воздействие, то по мере удаления от него влияние ядра постепенно сходит на нет. Структуру периферии различные специалисты характеризуют по-разному, мы здесь остановимся на выделении ближней, средней и дальней периферии.

Движущей силой воспроизводства отношений центр – периферия является постоянное генерирование ядром новых процессов, технологий, институтов, в то время как на периферию идет «диффузия устаревших нововведений», позволяя периферии в определенной мере модернизироваться, но при этом закрепляя постоянное преимущество центра перед периферией. Применительно к российской ситуации специалистами признается, что «...в стране сформировалась иерархическая система городов-центров, способных транслировать импульс модернизации на менее крупные города и окружающую периферию, однако зоны их модернизирующего влияния не способны охватить всю страну»².

Закономерности центр-периферийной поляризации действуют не только на межрегиональном и межрайонном уровнях, но и внутри муниципальных районов. Однако очевидно, что на территориях, подверженных интенсивным процессам депопуляции, влияние районного центра может быть лишь неравномерным и очаговым, а распространяемые от него инновационные импульсы достаточно слабы. В целом подобные территории характеризуются рядом признаков, отражающих процессы сжатия и деградации, часть которых достаточно подробно проанализирована в современной литературе, хотя некоторым из характерных для данных территорий тенденций не было уделено необходимого внимания. Попытаемся обобщить специфические особенности сообществ на территориях интенсивной депопуляции, оказывающие прямое влияние на спрос и предложение социальных услуг.

Старение населения, отток молодежи. Даже на относительно благоприятных территориях, где есть возможности трудоустройства, доля пенсионеров обычно составляет 50 % и выше. Более распространенная ситуация – 70 % людей пенсионного возраста. При этом почти на всех проанализированных территориях молодежь уезжает и не возвращается.

В определенном смысле исключением оказался Мантуровский район Костромской области – несмотря на достаточно интенсивный отток населения, в том числе молодежи, здесь несколько меньше доля пенсионеров, больше работоспособного населения, суще-

¹ Грицай О.В., Йоффе Г.В., Тревьяш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. С. 15.

² Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСИ, 2010. С. 100.

ственно ниже, чем на других территориях, средний возраст работников социальной сферы. Так, среди учителей пенсионеров 12–15 %; фельдшеры ФАПов все моложе пенсионного возраста и лишь один – предпенсионного.

В определенной степени это можно объяснить тем, что привлекательность высшего образования для молодежи в районе достаточно низка. Так, в 2012 г. из 40 выпускников 9-х классов в районе только 16 продолжили обучение в 10 классе, значительная часть остальных осталась на территории района (так, 8 поступило в учреждение НПО в Мантурово). Из 22 выпускников 11-х классов лишь 9 пошли в высшие учебные заведения (из них 7 – на территории Костромской области), 6 поступили в учреждения СПО (в основном на территории Костромской области), 1 – в учреждение НПО в Мантурово, остальные были призваны в армию либо по различным причинам не продолжили образование. При этом выпускники вузов на территорию практически никогда не возвращаются, а по выпускникам СПО картина более неоднозначная. Часть из них (хотя и меньшая) приезжает обратно и устраивается на работу, в том числе и в учреждениях социальной сферы, в дальнейшем они могут получить заочно высшее образование.

Факторы, определяющие отток молодежи, могут различаться на разных территориях.

Так, на глубоко депрессивных территориях действуют, в первую очередь, выталкивающие факторы, молодежь уезжает от отсутствия перспектив. В рамках подобной модели миграции обычно выбираются малобюджетные варианты, связанные с продолжением образования после основной, реже – средней школы. Самый очевидный – учреждение начального либо среднего профессионального образования в районном центре или в ближайшем городе. Причем преобразование средних школ в основные, широко идущее в сельской местности во многих регионах, действительно, судя по всему, несколько снижает спрос на высшее образование (логика родителей – все равно в интернат после 9 класса, так пусть хоть профессию получит), однако в большинстве случаев не тормозит миграционные процессы из деревни. Если реализуется стратегия получения высшего образования, то ориентация идет, в первую очередь, на бюджетные места в вузах (филиалах), расположенных часто в городах «второго порядка», где есть общежитие и стоимость жизни не очень высока. Особенно явно проявляются подобные процессы в тех случаях, когда региональный центр является крупным городом, близким к миллионнику, и имеется несколько более мелких городских центров. Так, в Пермском крае для северных территорий локальным центром притяжения является Брзиниковско-Соликамская агломерация, для южных – город Чайковский, для Коми-Пермяцкого автономного округа – город Кудымкар, бывшая столица субъекта Федерации.

Однако такая ориентация не универсальна – среди старшеклассников из самых депрессивных территорий часто бывает несколько ребят, жестко мотивированных на качество образования и имеющих явно более высокие амбиции, чем филиал вуза в провинциальном городе. Обычно это дети учителей, хотя не всегда. *«В каждом выпуске есть дети из неблагополучных семей, которые пробиваются».* Так, из одного из сел Мантуровского района Костромской области в московский вуз поступил мальчик, у которого мать – телятница, а отец – алкоголик. Причем родители могут отказываться от многого ради того, чтобы обеспечить ребенку возможность получения достаточно престижного образования с последующей перспективой закрепиться в крупном городе (обычно региональном центре) и сформировать возможности для последующего продвижения.

Однако было бы заблуждением считать, что на более благоприятных в экономическом отношении территориях миграция молодежи не является столь острой проблемой. Стимулы к миграции сохраняются, хотя их характер в определенной мере меняется, баланс выталкивающих и притягивающих факторов здесь несколько другой. В таких населенных пунктах дети воспитываются в достаточно благоприятной социальной среде, что облегчает дальнейшее продвижение. *«Интеллект у ребят хороший, разъезжаются. Может быть, если бы*

хуже давали образование, больше бы оставались». Родители, имеющие относительно высокую зарплату, могут обеспечивать детям более солидную финансовую поддержку в городе, снимать квартиру, помогать с текущими расходами. Кроме того, в подобных случаях барьеры адаптации к городской жизни часто бывают ниже – дети с подобных территорий больше путешествуют, более активно поддерживают социальные контакты, часто имеют родственников и знакомых в городах, куда собираются ехать учиться.

Причем миграция в город обусловлена далеко не только экономическими факторами, хотя и они играют немаловажную роль. *«Пусть плохо, но в городе, чем хорошо, но в деревне – такой менталитет»; «Едут в Вологду, снимают жилье и фактически работают на это жилье. Но все равно едут в Вологду. Здесь бы жили в своих домах».* «Нематериальные» факторы притягательности городов достаточно общеизвестны и в целом нашли подтверждение в ходе исследования:

- отсутствие жесткого контроля местного социума, характерного для сельской местности;
- гораздо большее разнообразие социальных связей, мест приложения труда и способов проведения досуга;
- более широкие возможности продвижения («вертикальные лифты») и самореализации.

Очевидно, что даже если бы была реализована иллюзорная возможность всеобщего повышения комфортности жизни в сельской местности, эти факторы продолжали бы действовать, стимулируя отток населения.

Деградация человеческого капитала. Она также во многом связана с оттоком из села молодежи. На этот фактор, обусловленный процессами «отрицательного отбора», неоднократно обращали внимание исследователи: «...происходило не просто сокращение населения вне городов, из поколения в поколение в сельской России шел отрицательный социальный отбор, ведь из деревни в город уезжали наиболее молодые и активные люди»³. Это подтверждали и наши собеседники в ходе полевых исследований: *«На селе остаются те, кому родители не могут помочь с жильем в городе»; «Нормальная молодежь уезжает, остаются те, кто не может прижиться. Город требует, там работать надо, зарабатывать много надо... Хулиганье, шпана, неработы – эти все на селе оседают. Как через сито»; «Остается молодежь, которая устроиться не может и поступить не может. Такая вот деградация».* Эта деградация проявляется в различных формах.

Так, падает образовательный уровень жителей, с сельских территорий вымываются люди с высшим образованием. Фактически во многих населенных пунктах высшее образование имеют только учителя (да и то не все) и в некоторых местах – бывшие работники агропредприятий. Еще 10–15 % населения можно отнести к сельской интеллигенции со средним специальным образованием.

Подобная ситуация сказывается, в частности, на работе школ: *«Контингент меняется в худшую сторону: незрелость, нет внутренней мотивации. <...> Семьи более высокого социального статуса уехали»; «Все больше детей из неблагополучных семей. Интеллектуальный уровень недостаточно высокий»; «Только 10–15 % родителей настроены на результат».* И совсем пессимистично: *«Практически все дети из неблагополучных семей, все семьи пьющие».* Причем во многих местах процесс ухудшения продолжает идти достаточно активно: *«Контингент стал слабее, в селе остаются неблагополучные семьи. Седьмой – девятый [классы] еще хорошие семьи, первый – второй гораздо хуже».*

³ Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия//Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 129.

Но последствия снижения образовательного уровня населения гораздо более многообразны. Так, кадровая проблема обостряется не только на уровне сельских поселений, но и в районных центрах, даже когда они являются городами. Так, в Мантуровском районе Костромской области, где центром является городской округ и, как отмечалось выше, ситуация несколько более благоприятна, чем на других обследованных территориях, дефицит высококвалифицированных кадров возрастает: не хватает специалистов в городской Мантуровской больнице (обслуживающей также и район), местные предприниматели не могут найти кадры на управленческие должности. В то же время со снижением образовательного уровня падает и уровень социальных притязаний населения.

Широкое распространение получают процессы люмпенизации жителей, потери ими способности к какой бы то ни было регулярной трудовой деятельности. Известны примеры, когда предприниматели пытались развивать бизнес в сельской местности, но не могли найти необходимую рабочую силу даже на вполне конкурентоспособную для данной местности заработную плату. Люди предпочитали получать пособие по безработице и ничего не делать. *«Если появятся рабочие места, люди не пойдут работать. Мужик с пилорамы предлагает 500 руб. в день – не идут. Лучшие – пособие по безработице пропью»*. В результате в данном конкретном примере на пилораме согласились работать только те выпускники школ, которые ждали призыва в армию.

Но даже если рабочая сила находится, трудовая дисциплина бывает чрезвычайно низка, прогулы носят регулярный характер, и организация реального бизнеса связана с большими трудностями и издержками. Работники стремятся не идти на те предприятия, где высокие требования к дисциплине и качеству работы, даже за относительно высокую оплату. Часть населения предпочитает сезонную занятость, чтобы значительную часть года жить на заработанное за несколько месяцев и не прикладывать дополнительных усилий.

Наконец, широкие масштабы приобрела алкоголизация населения и связанная с ней преждевременная смертность. Это определяет достаточно равнодушное отношение значительной части сельских жителей к своему здоровью, к обеспечению продолжительности жизни, отсутствие запроса на здоровый образ жизни⁴. Мужское пьянство оказывается практически повсеместным (в нескольких местах в разгар рабочего дня приходилось видеть нетрезвыми даже глав поселений), при этом выделяется прослойка совсем опустившихся алкоголиков – *«как бомжи, только есть крыша над головой»*. У них еще более ослабевают стимулы к производительному труду, основной целью трудовой деятельности становится *«заработать на бутылку»*⁵.

При этом необходимо отметить, что, поскольку экономическая база многих периферийных территорий достаточно нестабильна, нарастание процессов деградации может идти скачкообразно. Яркий пример – многие периферийные территории Пермского края, где основой экономики являются учреждения Государственного управления исполнения нака-

⁴ Вот яркое тому подтверждение. Речь идет о северном Предуралье середины 2000-х гг.: «Никто из перекупщиков сюда не добирается, а технический спирт привозят регулярно. От него умирают семьями, о чем местные жители рассказывают совершенно спокойно». (Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. С. 61.).

⁵ Прочитируем еще одно исследование сельской России Татьяны Нефедовой: «По данным районной статистики в Косинском районе Коми-Пермяцкого АО каждая третья смерть в 2000 и 2001 г. произошла от неестественных причин. Из них Уг – от прямого отравления алкоголем, остальные – от бытовых и производственных травм, также в основном связанных с пьянством. Таких примеров слишком много, чтобы не прийти к выводу: алкоголизм стал главным бичом сельской местности. Он есть и в городе, но в деревне особенно заметны его последствия. При замкнутости сельского сообщества, когда люди не могут выбирать занятия, а руководители-работников, алкоголизм разрушает само это сообщество и его экономическую основу – предприятие. Очень многие председатели, фермеры и предприниматели жаловались нам, что в селах с населением 100–300 человек не найти людей, которые не уйдут в запой через несколько дней после начала работы или первой же зарплаты» (Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 340).

заний (ГУИН) – исправительные колонии. Изменение месторасположения колоний является вопросом жизни и смерти населенного пункта. С уходом колонии исчезает основной работодатель, основной налогоплательщик и фактически основной центр жизни территории. А с учетом того, что колонии в основном располагаются в отдаленных, труднодоступных местах, решать возникающие при этом проблемы оказывается чрезвычайно трудно.

Негативная трансформация семейных связей. Данный процесс протекает в двух, достаточно противоречивых формах.

С одной стороны, происходит (либо поддерживается там, где данные формы сохранились и в советские времена) архаизация семейных отношений в том смысле, что семья становится способом организации экономической деятельности и подчиняется ее требованиям. *«Родителям важно, чтобы дети были с ними. Дети – на хозяйстве, скотину держат. Особо не до уроков – помогать нужно».* На многих территориях, где дикоросы составляют значительный источник семейного бюджета, в сентябре учебный процесс в школах фактически дезорганизован – ребята помогают взрослым в сборе ягод, грибов, кедровой шишки. В одной из школ директор рассказала случай, когда девочку-отличницу (правда, из приемной семьи) не пустили на выпускной вечер, поскольку надо было доить корову. Репродуктивная политика тоже во многих случаях определяется экономическими соображениями – максимизацией финансовой помощи от государства. То же можно сказать и о приемных детях.

С другой стороны, идет деградация традиционных моделей семейного поведения, во многом связанная с деградацией человеческого капитала. Люмпенизация и алкоголизм родителей дезорганизуют семейную жизнь и часто приводят к раннему появлению вредных привычек у детей. В одной из школ, характеризуя два соседних села, из которых производится подвоз школьников, директор отметила, что в одном из них пьют только родители, а в другом – родители вместе с детьми. Другие руководители сельских школ также отмечают схожие тенденции: *«курят с шестого класса, такого не было»* *«в восьмом классе пьют с мамой пиво».* На некоторых особо депрессивных территориях хулиганство банд подростков приобретает такие масштабы, что представители местной администрации вынуждены дежурить по ночам. *«Дети гуляют по ночам – человек 6–7 подростков. Все лето в школе разбивали стекла».*

Ослабление семейных связей проявляется и в других формах. Так, при вахтовом методе работы мужчина может уехать и надолго оставить семью с детьми без средств к существованию. Вообще в школах отмечали, что если ребенок накормлен и вовремя ложится спать, значит, семья благополучная, удовлетворение запросов более высокого порядка вообще в расчет не принимается.

«Социальная анемия». Процессы деградации неизбежно затрагивают не только семью как базовую ячейку общества, но и все сообщество в целом. Его способность к самоорганизации во многих случаях резко падает. Парадоксально на уровне сельского социума проявляется явление атомизации, характерное для крупных городов. *«Раньше люди жили хуже, но радовались, потому что все сообща. <...> Сейчас люди каждый живет в своем вакууме...».* Жители в таких населенных пунктах могут не знать, что происходит даже у ближайших соседей.

В результате население перестает собираться вместе, участвовать в общих праздниках, какая-либо социальная жизнь на селе затихает. *«Раньше на Троицу собирались. Сейчас нет такого. Сплоченности у людей нету»;* *«Организовать тяжело. Раньше было веселее, люди [были] легче на подъем. У всех проблемы, в первую очередь нет уверенности в завтрашнем дне».*

Еще одним признаком социальной анемии является разрушение традиционных для села механизмов взаимопомощи, отмечаемое многими исследователями⁶. Сельчане отказываются помогать друг другу бесплатно, подобные отношения в тех или иных формах монетизируются. *«Бабушкам дрова наколоть, воды принести – за еду; за деньги, за бутылку».*

Резко снижается и способность к совместным действиям для улучшения быта села. *«Раньше было самообложение. Сейчас нет, да и не надо нам уже»; «Сами крыльцо [в школе] починить не могут. Только требуют, сами ничего делать не могут».* Однако в подобных ситуациях даже готовность власти реагировать на требования сельчан не всегда помогает. Глава одного из сельских поселений рассказывала, что в деревне, зараженной подобной «болезнью места» (выражение Татьяны Нефедовой), население потребовало сделать общественный колодец. Местная власть пошла навстречу, однако жители не договорились между собой, где колодец должен находиться, и сказали, что тогда колодца вообще не нужно.

Архаизация социальных отношений. В условиях деградации и разрушения современных форм экономической деятельности то же происходит и с системой общественных отношений. Фактически часть социумов выпадает за рамки современной правовой и в целом институциональной системы. Это происходит по разным причинам:

- из-за замкнутости и транспортной оторванности части сообществ. Приходилось беседовать с людьми, которые по 20 лет жили без паспортов и не испытывали от этого никакого дискомфорта;
- из-за нелегального либо полунелегального характера экономической деятельности: браконьерство, нелегальные лесозаготовки и т. п.;
- из-за нерегулярности экономической деятельности и получения доходов, в результате чего, например, заработную плату могут до сих пор выдавать талонами на продукты, а в магазине давать товары «под запись».

Формальные, закрепленные в законодательстве институциональные механизмы в таких условиях заменяются неформальными правилами и нормами (вообще, данный процесс в определенной степени характерен для страны в целом, но в подобных сообществах он приобретает особо явные формы). *«Там свои правила – любое жилье занимают, могут на источку использовать пустой дом».* Лес делится на участки отдельных охотников, река – на закрепленные за отдельными рыболовами места. И нарушение подобных неформальных границ может приводить к достаточно серьезным последствиям.

Подобные особенности архаичных социумов создают дополнительные барьеры для продвижения молодежи в более открытой социальной среде. Учителя в школах отмечают отсутствие у детей из таких поселений представлений об общепринятых правилах и нормах поведения: *«там все позволено, были диковатые».* Есть проблемы адаптации в более крупной школе, с большим количеством учащихся и более жесткими требованиями учителей. В малых школах дети привыкают к постоянной опеке, не приобретают навыков самостоятельной работы, и это может приводить к снижению успеваемости при переходе в более крупную школу.

Другая проблема – *«дети теряются в большом населенном пункте».* В некоторых случаях невозможность получить продукты «под запись», необходимость расплачиваться в магазинах районного центра деньгами вызывала у детей психологический шок. В большинстве случаев ребята достаточно быстро справляются с подобным изменением «правил игры», адаптация занимает 2–3 месяца, но бывают и исключения.

⁶ «Никто никому почти не помогает, каждый справляется со своими проблемами в одиночку. Люди прямо на глазах превращаются в индивидуалистические субъекты хозяйственной деятельности. Обменным эквивалентом все больше и больше становятся деньги, а не материальные предметы или же услуги» (Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества//Мир России. 2008. № 4. С. 122). «В современной деревне почти все делается за деньги» (Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье... С. 350).

Иммиграция: асоциальные слои и андерграунд. Хотя эмиграция является наиболее распространенным демографическим процессом на рассматриваемых территориях, нельзя сказать, что вообще не наблюдается движения населения в обратную сторону. Но подобные места оказываются привлекательными для достаточно специфических социальных слоев. Особенности быстро депопулирующих и деградирующих территорий и социумов создают благоприятные условия:

- для «черных риелторов», отбирающих квартиры у люмпенизированного населения в крупных городах и выселяющих бывших владельцев на те территории, где есть значительное предложение дешевого жилья⁷;
- для представителей разнообразных запрещенных и полузапрещенных движений и сект, которых привлекает транспортная оторванность и наличие свободного жилья;
- для маргинальных движений культурного андерграунда – по тем же причинам.

Очевидно, что подобная иммиграция не содействует, за редким исключением, улучшению человеческого капитала и, скорее обостряет, чем способствует решению проблем депопулирующих территорий.

Нельзя сказать, что рассмотренные явления на селе (за исключением оттока молодежи) носят универсальный характер. Встречаются случаи и противоположной практики. Так, достаточно многочисленны факты самоорганизации и взаимопомощи. В некоторых селах жители помогают друг другу строить дома, обрабатывать участки. Есть и примеры самообложения, в том числе на оборудование ФАПов (жители скидывались по 50-100 руб. на глюкометр). В отдаленных деревнях, даже при отсутствии клуба, встречаются случаи «самоорганизации бабушек», которые поют частушки и даже ездят выступать в районный центр. Стремление родителей не отпускать далеко детей может определяться не только хозяйственными соображениями, но и заботой об их безопасности и здоровье. Буквально в соседнем селе с тем, где говорили об активном использовании школьников в подсобном хозяйстве, отношение к детям характеризуется совершенно по-другому: *«Не могу сказать, что дети – дополнительные рабочие руки. Сельское хозяйство семьи не ведут, сенокос – ностальгия. <...> Хочется, чтобы дети были под присмотром. Территория благополучная»*. Можно найти даже примеры того, как пьющие родители закодировались и устроились на работу. Тем не менее негативные социальные тенденции на территориях интенсивной депопуляции, при этом имеющие тенденцию к углублению и расширению масштабов, нельзя сбрасывать со счетов при анализе сельских сообществ.

Вторичное освоение периферийных территорий

Некоторая модификация представленной картины связана с процессами «вторичной колонизации» пространства и переформатирования характера использования территории, т. е. с изменением системы расселения и специализации территорий под воздействием импульсов, идущих от городов. Подобные явления широко известны – это дачная колонизация и туристско-рекреационная специализация. Данные процессы в контексте перспектив периферийных территорий привлекают большое внимание исследователей. При этом вопрос о степени влияния данного феномена на перспективы сельской глубинки остается открытым. Оптимистические прогнозы основаны на том, что ресурсы дикой природы, ландшафта и экологической качественной среды, столь ценимые в постиндустриальном обществе, станут основой возрождения периферии. Однако есть и гораздо более пессимистические оценки, в соответствии с которыми дачная колонизация дальней периферии не

⁷ «Черные риелторы привозят сброд по 16 человек в квартиру».

способна остановить ее деградацию. Попытаемся дополнить ведущуюся дискуссию собственными наблюдениями.

Анализ последствий дачной колонизации, проводившийся в Белозерском районе Вологодской области, в целом подтвердил те тенденции, которые ранее выделялись исследователями данного феномена⁸.

Действительно, дачная колонизация приводит к существенному сезонному увеличению численности населения ряда территорий: в несколько раз, в отдельных случаях – на порядок (в одном из рассматриваемых поселений сезонный рост с 600 до 6000 человек). В основном это происходит за счет приезда детей к бабушкам и дедушкам от живущих в городе родителей, возвращения студентов на каникулы и собственно дачной колонизации выходцами из других местностей либо теми, кто давно мигрировал из данной местности (например, на Севера) и не имеет здесь жилья. Некоторые населенные пункты фактически полностью превратились в дачные поселки. Характерные примеры: из 47 домов лишь 8 принадлежат местному населению, остальное дачи; из 38 домов лишь один принадлежит местному жителю.

Дачная колонизация оказывает определенное позитивное влияние на ситуацию в сельских населенных пунктах, в частности:

- способствует развитию местного бизнеса – на анализируемых нами территориях, подверженных дачной колонизации, обороты торговли в дачный период возрастают от полутора до трех раз;
- позволяет местным жителям получать дополнительные доходы от продажи собственных продуктов питания, дикоросов, оказания дачникам услуг;
- облегчает ситуацию с транспортом и доставкой продуктов в отдаленные территории;
- дачники предъявляют более высокие требования к обслуживанию, под которые вынужден подстраиваться местный бизнес;
- дачники в отдельных случаях осуществляют инвестиции в местную инфраструктуру.

Но при этом перелома сложившихся тенденций не происходит. Из подобных территорий продолжается интенсивный отток молодежи, дачное освоение не приводит к существенному расширению занятости и серьезной активизации бизнеса. Это подтверждается, в частности, тем, что на территориях интенсивной дачной колонизации не наблюдается роста поголовья скота, несмотря на то что спрос на молочные продукты в сезон не удовлетворяется (приходится записываться в очередь) и считается, что держать в таких условиях корову экономически очень выгодно. В то же время местные жители не подтверждали гипотезу, что при отсутствии дачников количество скота уменьшилось бы еще больше – спрос за счет местного населения также достаточно велик. Вообще, насколько удалось понять, лишь единицы из местных строят свою экономическую стратегию в первую очередь на обслуживании дачников.

Кроме того, в некоторых местах наблюдается тенденция обособления дачников от местных жителей, фактический переход их на самообеспечение. Новые жильцы сами привозят срубы, нанимают выходцев из СНГ для производства строительных работ, самостоятельно заготавливают грибы и ягоды, ловят рыбу. Есть территории достаточно интенсивного дачного освоения, где дополнительный спрос со стороны дачников местными жителями практически не ощущается. Отмечается также снижение спроса на дачные участки – в одном

⁸ См., например: *Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди ближнего Севера /под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008; *Нефедова Т.Г.* Российские дачи как социальный феномен//Социальное развитие и институты гражданского общества. http://spero.socpol.ru/docs/N15_2011_07.pdf

из наиболее «дачных» поселений сказали, что за последний год ни один человек не захотел купить земельный участок.

Варианты конфликтного взаимодействия дачников с местным населением – редкое явление, более распространены конфликты между самими дачниками. Тем не менее были выявлены случаи появления «проблемы безбилетника», связанной с конфликтом потенциально возможных вариантов дальнейшего развития территории. Построенную дачниками в одном из сел дорогу стали использовать лесозаготовители, она очень скоро пришла в негодность, что «отпугнуло» дачников от этого достаточно перспективного с точки зрения дачной колонизации места.

Приведем один из примеров территории интенсивной дачной колонизации, иллюстрирующий некоторые из рассмотренных выше процессов – Антушевское сельское поселение. Численность населения – около 1000 человек, на дачный сезон возрастает примерно в 4 раза. 53 населенных пункта, самые крупные – Антушево и Бечевинка (соответственно, примерно 400 и 300 человек). Экономика поселения функционирует следующим образом.

- Около 30 человек работает в сельскохозяйственном предприятии, положение там достаточно сложное, регулярные задержки заработной платы. При этом в сезон, работая без выходных, механизатор или доярка могут заработать примерно по 15–20 тыс. в месяц (не в сезон – 3–4 тыс.). Тем не менее за эту работу держатся.

- Достаточно активно функционирует бизнес по строительству бань, работает примерно 8 бригад по 2–3 человека в каждой. Эти же бригады нанимаются на сборку домов. Самый крупный такой бизнес – 5 человек, работают круглогодично, изготавливают продукцию в том числе и для других территорий. На подобной работе можно получить 200–250 тыс. за сезон. По масштабам занятости этот сектор сопоставим с сельскохозяйственным, а по доходам явно его превосходит. Однако местные жители отмечают, что этот бизнес достаточно закрытый, требует «знания дорожек» (в частности, чтобы получить лес), умения работать с клиентом.

- 7–8 человек закупили сельскохозяйственную технику и помогают как дачникам, так и местным жителям с сельскохозяйственными работами – сенокосом, пахотой, посадками картофеля. Здесь заработки меньше, чем в «банном бизнесе».

- Активно развивается торговля. Два года назад был один магазин, куда «на сезон» брали дополнительного продавца. Сейчас постоянно работают три магазина. В дачный сезон, по имеющимся оценкам, выручка увеличивается в три раза.

- В поселении сохранилось примерно 20 коров, 10 лет назад было более 100. Дачники предъявляют дополнительный спрос на молоко.

В целом дачники дают стабильный дополнительный доход примерно 50 жителям, еще 20 подвизаются на несложных разовых работах «за бутылку». Из всех проанализированных территорий интенсивной дачной колонизации это поселение выглядит одним из самых благополучных с точки зрения влияния дачников на местную экономику, в других местах даже при большем числе дачников их экономическое влияние оценивалось как более низкое. Тем не менее в поселении в полной мере проявляются те негативные демографические и социальные тенденции, о которых говорилось выше. В первую очередь это отток молодежи. Для школы за последние два года характерно драматическое снижение численности учеников – практически на 40 % (это нелинейно отражает изменение числа детей в самом поселении, поскольку подвоз осуществляется и из других территорий, но дает представление о его масштабах). Работающей молодежи практически нет. В основном все уезжают работать в Череповец, на Северсталь, с которой дачная экономика, естественно, не конкурентоспособна.

Для более корректного сравнения тенденций, связанных с дачной колонизацией, в качестве одного из объектов исследования был выбран Мантуровский район Костромской

области, в котором проводится междисциплинарный проект по изучению сельской периферии. Выводы, которые удалось сделать на базе проведенного исследования, сводятся к следующему.

- Воздействие «дачной экономики» на ситуацию в сельской местности на данной территории, судя по всему, даже меньше, чем в приведенных выше примерах по Вологодской области. В целом по району оборот торговли на лето увеличивается на 20–30 %, притом что растет спрос на более дорогие продукты, и часть прироста обусловливается структурными сдвигами в ассортименте. В наиболее «дачном» сельском поселении – Угорском (сейчас – часть Леонтьевского сельского поселения) – продажа хлеба в сезон увеличивается в два раза. Численность населения летом возрастает примерно на 40 %. При этом, как и в Белозерском районе Вологодской области, полностью обслуживанием дачников заняты единицы. Два человека занимаются плотницкими работами круглогодично, еще 4 – сезонно. Несколько человек подрабатывает сторожами. Дачники создают некоторый спрос на дикоросы, но при отсутствии дачников эта продукция успешно реализуется перекупщикам (эта сеть на территории района активно развивается). Личное подсобное хозяйство наиболее развито не в «дачных» местах, а там, где оно критично для выживания населения. Так, в Угорах на 215 человек приходится 8 коров, а в селе Медведица на 90 человек — 15 коров. Практически единодушное мнение представителей районной и поселковых администраций также состоит в том, что дачники не оказывают значимого влияния на развитие местной экономики.

- Дачный «бум» явно сходит на нет. Число дачников скачкообразно увеличилось 8–10 лет назад, с тех пор позитивной динамики не наблюдается. Более того, для некоторых населенных пунктов характерен отток дачников – люди перестают приезжать, забрасывают уже приобретенные дома. В первую очередь это пожилые и не очень обеспеченные люди – им тяжелее преодолевать достаточно большое расстояние (в основном дачники – москвичи), на них в первую очередь сказывается рост транспортных тарифов. Есть единичные случаи переезда людей из крупных городов на постоянное место жительства в район, однако подобный переезд носит в первую очередь не добровольный, а вынужденный характер: по материальным либо медицинским соображениям.

- Сообщество дачников мало влияет на негативные процессы, происходящие в сельской местности. По мнению самих бывших москвичей, *«наличие дачников не влияет на деградацию местного населения. <...> Два разных мира, почти не пересекаются»*. Сельские дети не очень готовы воспринимать образовательные инициативы дачников (кружок кукол, который вела бывшая москвичка, просуществовал 3 месяца), общение местных жителей и дачников в основном касается бытовых вопросов, традиционных местных занятий. Дачники дарят книги библиотеке, но при этом местные жители у дачников почитать книги не просят. Новая культура оформления дворов, принесенная дачниками, не получает особого распространения среди местных.

Тем самым результаты исследования явно не дают оснований для оптимизма по поводу влияния дачной колонизации на перспективы сельской периферии.

Туристско-рекреационная специализация является сейчас достаточно модным направлением стратегической переориентации сельских территорий. О роли различных институтов сельской самоорганизации в данном процессе нам приходилось писать в работе «Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы», где рассматривался опыт территориального общественного самоуправления в Архангельской области и кооперативного движения в Республике Карелия, нацеленный, в частности, и на усиление рекреационной направленности в экономической деятельности на селе. Рассмотренный опыт весьма противоречив. Причем важнейшим фактором успеха оказалось вовлечение в этот процесс профессионального бизнеса, позволяющего представлять возможности сельской туристиче-

ской индустрии во «внешнем мире» и транслировать поставщикам туристических услуг ожидания потребителей и принятые стандарты туристического обслуживания. Вместе с целенаправленной региональной политикой, предусматривающей поддержку туризма и развитие транспортной инфраструктуры, это может оказать положительное воздействие на сельский туризм.

Однако примеры подобного комплексного подхода единичны. В основном усилия по развитию сельского туризма предпринимают местные администрации и иногда разрозненные сельские сообщества. Еще один возможный вариант связан с инвестициями горожан (часто – жителей районных центров или мигрантов в города с данных территорий) в туристско-рекреационную инфраструктуру сельских территорий. Ярким примером является создание рядом с районным центром Харовского района Вологодской области, городом Харовском, экстрим-парка, включающего в себя гостиницу, ресторан, несколько деревянных коттеджей, трассу для квадроциклов и другую спортивную инфраструктуру. Кроме чисто туристско-рекреационных, Экстрим-парк выполняет и дополнительные функции: служит гостиницей для приезжающих в город (собственно городская гостиница «советского типа» закрылась), является одним из самых «модных» мест для проведения досуга жителями Харовска (в выходные дни ресторан заполнен). Здесь начинаются туристические маршруты по району (район пытается активно использовать свой небольшой туристический потенциал, связанный с нахождением здесь географического центра Вологодской области и родины писателя Белова). Аналогичные проекты в сельской местности обсуждаются и на других территориях, например в том же Белозерском районе Вологодской области.

Тем не менее результаты анализа не позволяют говорить о том, что туристско-рекреационная деятельность способна послужить универсальной «палочкой-выручалочкой» для отдаленных территорий интенсивной депопуляции. Услуги сельского, экологического, экстремального туризма достаточно однотипны, создать отличный от других, пользующийся широким спросом продукт удастся далеко не всем, особенно на территориях, не имеющих выдающихся конкурентных преимуществ в виде уникальных объектов природы либо близости крупного города. И эти ограничения активно сказываются.

В одном из поселений Тотемского района Вологодской области с нами делились несбывшимися надеждами на возрождение красивого села Усть-Печенга (примерно 150 жителей, 70 пенсионеров) на берегу реки Сухоны. *«Мечтали, что поедет много туристов. С района говорили – у вас такая красивая местность»*. Для привлечения туристов был создан историко-культурный центр. Собрали предметы народного быта, создали имитацию деревенской избы. Первое время это привлекало экскурсии. *«Но таких музеев много»*. Спрос достаточно быстро упал, сейчас экскурсионных групп мало – не больше 3–4 в месяц из районного центра. Не удалось обеспечить остановку туристических теплоходов, которые в любом случае могут заходить в Усть-Печенгу только по «большой воде». В результате вся работа с туристами практически осуществляется на общественных началах – педагогическим коллективом школы, представителем местной администрации, работниками библиотеки (бывшими и нынешними). Местные жители лишь эпизодически продают туристам продовольствие – по предварительному заказу готовят молочные продукты, коптят рыбу. Гостевых домов нет, на работе с туристами никто не специализируется, инициативу в этом отношении местные жители не проявляют.

Пространственная дифференциация

Выбранные нами для анализа территории относятся к средней и дальней периферии соответствующих регионов. Однако необходимо учитывать, что центрально-периферийные закономерности действуют на разных уровнях, в том числе и в рамках муниципальных районов.

Тем самым рассмотренные характеристики местных социумов имеют свои территориальные особенности в зависимости от месторасположения, характера районного центра и удаленности от него, транспортной доступности и т. п. Именно данные центрально-периферийные закономерности будут проанализированы в настоящем разделе. С этой точки зрения можно выделить три типа территорий.

Ближняя периферия отличается тем, что находится под влиянием районного центра и достаточно активно с ним взаимодействует. Причем это взаимодействие (как, собственно, следует из центрально-периферийных теорий) приводит к весьма неоднозначным результатам. С одной стороны, близость районного центра позволяет соответствующим сообществам достаточно активно пользоваться его ресурсами в самых различных формах: от проведения досуга жителями до привлечения работников из райцентра в ближние поселения. Поэтому здесь может быть больше молодежи, более активна социальная жизнь, есть перспективы инвестиций, в том числе туристско-рекреационной направленности. С другой стороны, та же близость районного центра облегчает отток туда ресурсов, в первую очередь человеческих. Тем самым ближняя периферия в подобных районах характеризуется наличием как наиболее жизнеспособных местных сообществ, так и наиболее деградирующих, спрос и предложение социальных услуг тех и других существенно различаются. Подобная дифференциация может зависеть от различных факторов, которые сложно поддаются формализации. Скорее всего, играют роль качество дороги до соответствующего населенного пункта, наличие оставшихся с советских времен либо новых хозяйственных структур, субъективные факторы.

Средняя периферия (к которой, собственно, можно отнести основную часть периферийных территорий в подобных районах) испытывает слабое влияние центра, здесь жизнь устроена достаточно традиционно, процессы деградации более универсальны, но более «размазаны».

Особыми характеристиками обладают территории, которые можно отнести к **дальней периферии**. Здесь на новой основе и в несколько других формах воспроизводится дифференциация, характерная для ближней периферии. С одной стороны, транспортная оторванность и труднодоступность формируют условия для ускорения процессов деградации, что подтверждалось многими примерами в ходе полевых исследований. С другой стороны, при ослаблении влияния районного центра на подобных отдаленных территориях формируются альтернативные центры притяжения – крупные и достаточно людные села, концентрирующие социальную инфраструктуру. Издержки миграции в города на таких территориях часто выше из-за изолированности, низкого жизненного уровня, психологических барьеров (хотя есть и исключения). Поэтому молодежи или, во всяком случае, лиц трудоспособного возраста может быть даже больше, чем на «средней» периферии. В то же время большая сохранность природных ресурсов, обусловленная удаленностью и труднодоступностью, создает лучшие условия для экономики домохозяйств, основанной на собирательстве и браконьерстве. Тем самым процессы обезлюживания и социальной деградации могут идти менее активно, чем в более близких и транспортно доступных селах, где экологические условия хуже и куда добираются жители районного центра и иных территорий, конкурируя с местными жителями за дикоросы и другие ресурсы. Подобная картина наблюдалась, в частности, в ряде районов Томской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.